

УДК 37 (2Р-6КАР)

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ФИННОВ В СОВЕТСКУЮ КАРЕЛИЮ В 1930–1933 ГОДАХ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Евгений Ефремкин

Университет Йорк (Торонто, Канада)

На материалах статистических данных фондов Переселенческого управления при СНК КАССР анализируется переселение финнов из США и Канады в Карелию в начале 1930-х гг. На основе статистического анализа делаются выводы о причинах иммиграции и проводятся различия между канадским и американскими переселенческими потоками.

Ключевые слова: «карельская лихорадка», трансатлантическая иммиграция, национальное строительство, национальная политика.

Evgeny Efremkin. IMMIGRATION OF NORTH AMERICAN FINNS TO SOVIET KARELIA DURING 1930–1933: A STATISTICAL ANALYSIS

The article analyses Finnish immigration from the United States and Canada during the early 1930s on the basis of statistical materials of the Resettlement Agency of the Council of People's Commissars of Soviet Karelia. Statistical analysis allows insights into the reasons for immigration and into the differences between the US and Canadian immigration groups.

Key words: «Karelian fever», trans-Atlantic immigration, ethnic building, nationalities policies.

«Карельская лихорадка» является интересным историческим феноменом начала 1930-х гг., в процессе которого свыше шести тысяч американцев и канадцев пересекли Атлантику с целью найти новый дом и работу в совершенно иных политических, экономических, культурных и социальных условиях. «Карельская лихорадка» представляет собой редкую и ценную находку для историков, изучающих иммиграцию и историю диаспор, поэтому неудивительно, что в последнее время она стала темой целого ряда международных исследований. Однако не следует забывать и про трагизм этой истории. Многие из финнов-иммигрантов, приехавшие в советскую Карелию, честно здесь трудившиеся и строив-

шие будущее для себя и своих семей, стали жертвами жестких и несправедливых репрессий во время «большого террора» 30-х гг. XX в. Такое жестокое и неразумное преследование этих нескольких тысяч людей часто создает эмоциональное напряжение для исследователя. Порой трудно читать письма и дневники эмигрантов, следовать по их маршруту из Скандинавии в Северную Америку и затем обратно на Европейский континент, погружаться в их повседневную жизнь, временами иметь возможность проследить эмоциональный и духовный рост личности, чтобы в некий момент натолкнуться на архивную запись, подобную этой: Стром Норманн Карлович, родился в 1912 г., иммигрировал из Канады

в 1931 г., механик и музыкант, расстрелян 11 февраля 1938 г. [Harris, 2008. Р. 341].

Варпу Линдстрём в Канаде, Маркку Кангаспурро в Финляндии и Ирина Такала в России – вот историки, осуществляющие передовые исследования на мировом уровне в этой области. Их совместный проект «Канадские жертвы сталинских репрессий» (Canadian Victims of Stalin's Purges, 2006–2010), посвященный истории иммиграции североамериканских финнов в Советскую Карелию, позволяет воссоздать жизнь эмигрантов, дать им законное место в истории Северной Америки, Финляндии и России. Кроме того, эти исследователи создали для потомков тех, кто жил в Карелии, такую возможность, как вебсайт «Missing in Karelia» (<http://missinginkarelia.ca>), чтобы они могли узнать о судьбе своих предков и, может быть, установить связь с теми родственниками, о существовании которых они не подозревали. В данной статье я попытаюсь представить статистическую информацию о финнах-иммигрантах, покинувших Канаду и США в разгар «карельской лихорадки», и представить сравнительный анализ канадского и американского потоков переселенцев.

Представленный мной статистический анализ охватывает почти четыре тысячи североамериканских финнов, отправившихся в советскую Карелию между 1930 и 1933 гг. [Списки Переселенческого управления 1934 г. (Место хранения – Национальный архив Республики Карелия), составлены постфактум, хранятся в личной коллекции Варпу Линдстрём в архивах Университета Йорк, Провинции Онтарио, Канада)]. Это существенная и репрезентативная выборка, поскольку она охватывает свыше 70 % переселенцев: согласно подсчетам И. Р. Такала, к середине мая 1932 г. в Карелию прибыло 3228 человек, а в моей выборке число переселенцев, прибывших к тому времени, насчитывает 2319 человек [Takala, 2007. Р. 40]. Далее, согласно информации ГПУ, к концу октября 1932 г. в Карелию прибыло 4399 североамериканцев [Takala, 2007. Р. 40]. Моя выборка включает в себя 3344 переселенца, прибывших до конца октября 1932 г., что составляет соответственно 76 % от числа финнов, «заболевших» к этому времени «карельской лихорадкой».

Списки американских и канадских эмигрантов, ставшие источниковой базой данного исследования, содержат полные имена иммигрантов, год рождения, профессиональное занятие, место работы в Карелии и дату прибытия. Эти записи позволили мне выявить количество и размер семей, которые прибыли в Карелию, отыскать тех, кто был частью расши-

ренных семей, сосчитать количество одиноких мужчин и женщин в соответствии со временем их прибытия. Далее я смог обратить внимание на неравное соотношение полов в переселении. В этой статье представлены данные об общем количестве мужчин и женщин, участвовавших в иммиграции в Карелию, а также анализ их половозрастной и семейной структуры. Кроме того, с помощью статистического анализа данных была получена информация о профессиях эмигрантов, а также о местах их работы как в целом для диаспоры, так и для отдельных половозрастных групп. Наконец, я попытался проследить подъемы и спады «карельской лихорадки» по году и месяцу прибытия в Карелию. Целью данной статьи является предоставление собранных данных и их анализа в помощь другим исследователям этой темы. Статистические данные, о которых идет речь, дадут возможность историкам, изучающим политическую, культурную и в особенности социальную историю, приблизиться к общему определению такого явления, как «карельская лихорадка», и станут важным дополнением к индивидуальным характеристикам эмигрантов.

Во время исследования было обнаружено несколько важных тенденций. В целом в американской и канадской литературе о «карельской лихорадке» проводится немного различий между североамериканскими соседями. Одним из объяснений этому является тот факт, что местное население Карелии и СНК КАССР видели лишь небольшую разницу между американцами и канадцами. Разнообразные записи показывают, что при необходимости руководство Карелии относилось к североамериканцам то к одной, то к другой группе. Например, лесорубы обычно причислялись к канадцам; хотя, как показывают факты, в качестве лесорубов были зарегистрированы более 40 % приехавших из США. С другой стороны, местное население часто относилось к североамериканцам к американцам, хотя каждый третий переселенец был из Канады. Существует несколько объяснений данной тенденции. Во-первых, США обладали превосходством перед Канадой на международной арене, и, во-вторых, далекая Северная Америка часто ассоциировалась в сознании российских, а впоследствии и советских граждан с образом капитализма, эксплуатации и преступности, хотя одновременно существовал образ Америки и как страны больших возможностей. При этом анализ социальной и культурной структуры американских и канадских финнов позволяет выявить важные различия между двумя группами иммигрантов. Несмотря на то что эти

различия не являлись всеобъемлющими, они проливают свет на разницу в причинах исхода, а также во внутривосполитических, экономических и социальных условиях в США и Канаде в начале 1930-х гг. Наконец, сравнительный анализ позволяет пролить свет и на различный опыт канадцев и американцев в Советском Союзе.

Пожалуй, наиболее явным различием между американскими и канадскими иммигрантами в Карелию является семейная структура иммиграции. В целом переезд североамериканских финнов в Карелию являлся, как правило, семейным переселением, даже в некотором роде цепной миграцией, которая была относительно интенсивной, хотя и продолжалась всего несколько лет. Примерно 75 % переселенцев были близкими родственниками: мужьями, женами, матерями, отцами, детьми, братьями и сестрами. Как видно на графиках 2.1 и 2.2, только каждый четвертый иммигрант не имел семьи в момент переезда в Карелию. Большое количество семейных переселенцев позволяет мне выдвинуть гипотезу, что «карельская лихорадка» не могла быть столь сильно мотивирована идеологически, на что указывают некоторые исследователи [Sevander, 2008]. Маловероятным кажется и то, что «идеологический фанатизм» был присущ многим из тех, кто искал работу в самый тяжелый период экономики в XX в. Другими словами, кажутся спорными утверждения, согласно которым новобрачные пары с маленькими детьми, процентное соотношение которых среди переселенцев было высоким, приехали, чтобы найти нечто большее, чем экономическую и социальную стабильность [Ефремин, 2008. С. 48]. Это не отрицает симпатий переселенцев к левому движению и его роль в принятии решения покинуть Северную Америку. Однако существует огромная разница между наличием политических и идеологических убеждений, с одной стороны, и их радикальными проявлениями, с другой.

Статистические данные также свидетельствуют о половозрастных различиях внутри и между группами американцев и канадцев. Североамериканские переселенцы были преимущественно мужчинами, только треть из них составляли женщины. Численное преимущество мужчин в переселении можно объяснить несколькими факторами. В Канаде, например, Великая депрессия сильнее отразилась на финских мужчинах, чем на женщинах. Большинство финнов в Канаде работали в домашнем хозяйстве, которое не пострадало от кризиса так серьезно, как лесопильная, строительная и сельскохозяйственная отрасли,

обеспечивавшие занятость большинства мужчин [Lindstrom, 2007. Р. 12]. Моя статистическая выборка подтверждает эту тенденцию: так, из 1089 переселенцев, прибывших в Карелию без семьи, женщин было только двадцать пять (чуть более 2 %). Эти данные наводят на следующую мысль. Как показали Варпу Линдстрём и Самира Сарамо, финские женщины в начале XX в. при общей симпатии к социализму во многих отношениях разделяли левые убеждения менее охотно, чем финны-мужчины. Это позволяет увидеть прямую взаимосвязь между последствиями Великой депрессии для североамериканских финнов-социалистов и социальной структурой иммиграционного потока в Карелию. Важной – пусть и не единственной – причиной того, почему в Карелию ехало больше мужчин, являлся тот факт, что депрессия не оказала такого сильного влияния на финских женщин. Как следствие, идеологическая подоплека иммиграции из США и Канады в Карелию, очевидно, была вторичной по отношению к экономическим факторам.

Как уже отмечалось выше, статистический анализ иммиграционных потоков из США и Канады демонстрирует несколько важных различий в социальном составе американских и канадских переселенцев. Например, существует значительная разница в соотношении приехавших без семьи. Если из американских иммигрантов не имел семьи только каждый пятый, то среди канадских финнов без семьи приехали уже примерно два переселенца из пяти. Кроме того, существуют различия по возрастному признаку. В целом канадцы были намного моложе, чем американцы. Например, среди не состоящих в браке иммигрантов в возрасте от 22 до 30 лет было вдвое больше канадцев, в то время как в возрастной группе от 41 до 50 лет одиноких американцев было почти в четыре раза больше, чем канадцев (см. график 3.1). Аналогичная ситуация наблюдается и среди семейных иммигрантов: и здесь канадцы были значительно моложе американцев. Например, среди канадских иммигрантов старше 50 лет было только чуть больше 2 % переселенцев, хотя среди американцев этот показатель составлял 7 %. Также показательно, что если американцы в возрасте от 22 до 30 лет составляли 10 % от всех американских иммигрантов, то среди канадцев переселенцы этого возраста составили уже треть (см. графики 4.1–4.4).

Одно из объяснений существенной разницы в возрасте между канадскими и американскими иммигрантами предлагает Варпу Линдстрём. Она отмечает, что финские переселенцы

1.1

1.2

прибыли в Канаду позднее, чем в США, куда многие переехали еще в конце XIX в. С другой стороны, одинокие финны, приехавшие в Канаду в 1920-е гг., больше пострадали от Великой депрессии, а тот факт, что многие из них еще не успели обзавестись семьями и укорениться, позволял им легче принять решение о повторной иммиграции, на этот раз в Карелию.

Далее, существенная разница есть в гендерной структуре американских и канадских переселенцев. Среди американцев женщины составляли 37 %, в то время как женщин, приехавших из Канады, было 28 %. Меньшее число канадских женщин можно вновь объяснить преобладанием не так сильно пострадавшей от экономического кризиса домашней работы среди финских женщин в Канаде, а также тем, что многие канадские лесорубы, приглашенные на работу в Карелию, приехали туда без семьи. Согласно моим подсчетам, 386 из 520 канадских лесорубов, или 74 %, были холостыми (см. график 6.2). С другой стороны, среди американских лесорубов только 203 из 574, или 35 %, не состояли в браке (см. график 6.1).

Возвращаясь к спорам о характере – идеологическом или экономическом – иммиграции в Карелию [Harpelle et al., 2004], я утверждаю, что нельзя рассматривать этих не состоящих в

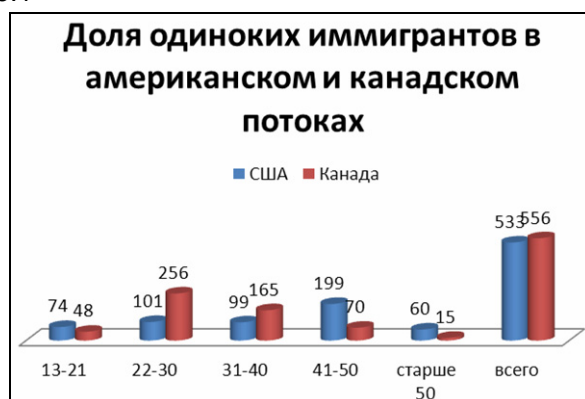
2.1

2.2

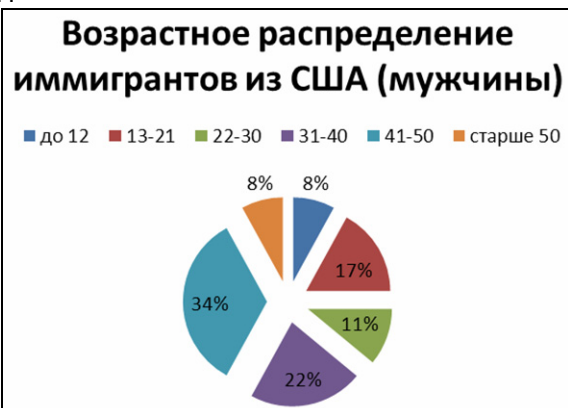

3.1

браке лесорубов в контексте «идеологического фанатизма». Исследуя Сегозерский и Тунгудский районы, И. Р. Такала обнаружила, что только 50 % и 15 % переселенцев, соответственно, обладали опытом работы в лесу, хотя у большинства из них в графе «профессия» было указано: лесоруб [Takala, 2007. Р. 44]. Следовательно, эти иммигранты прибывали в Карелию на временное проживание, чтобы получить здесь любое рабочее место, потерянное во время Великой депрессии, вне зависимости от своей основной квалификации. Многие из них рассматривали Карелию с точки зрения перспективы трудоустройства. По сути дела, все, что искало большинство иммигрантов, – это обеспеченное и безопасное будущее.

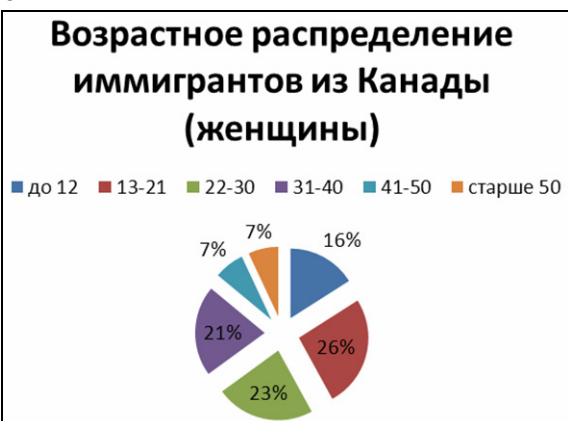
4.1

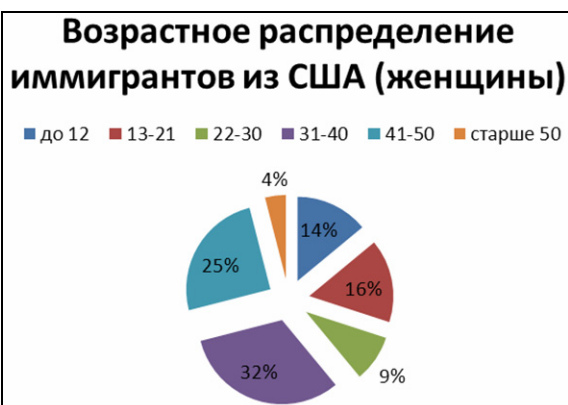
4.2

4.3

4.4

5.1

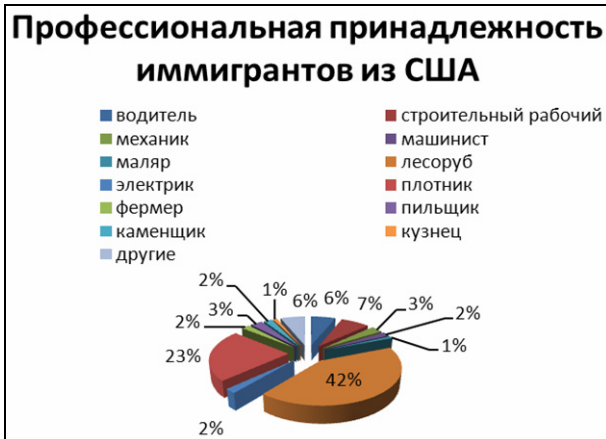
5.2

Таким образом, если из структуры иммиграционного потока в Карелию исключить те социальные группы, которые ехали по экономическим причинам, то останется около 170 одиноких переселенцев, или не более чем 10 % от всех канадских иммигрантов. Почти все они были мужчинами, приехавшими в Карелию без семьи, не являвшимися лесорубами по профессии. Лишь в отношении этой группы можно утверждать, что среди них идеологические причины иммиграции довели над политическими. Такое численное соотношение (10 % и менее) характерно для радикальных элементов в структуре любого иммигрантского социума. Исследователи финской диаспоры в Северной Америке считают, что для нее также было типично это процентное соотношение. Большинство из них согласны с тем, что многие финны придерживались левых взглядов, но только 5–10 % были радикалами, вплоть до приверженности большевизму.

Следует сделать несколько замечаний о профессиональной структуре американцев и канадцев, а также местах их трудоустройства в Карелии. Важно отметить, что выборка, на которой основан данный анализ, проливает свет на занятия эмигрантов и место работы только непосредственно после их переезда в Карелию и регистрации в Переселенческом управ-

6.1

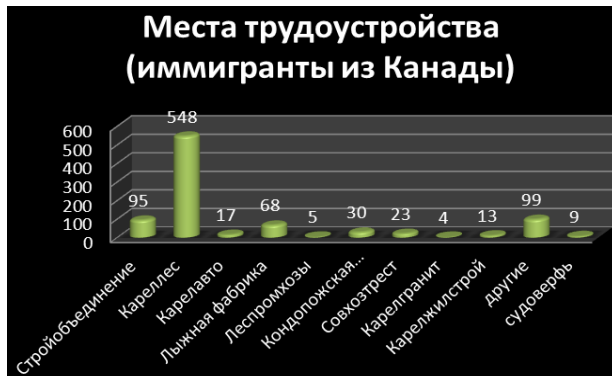
6.2

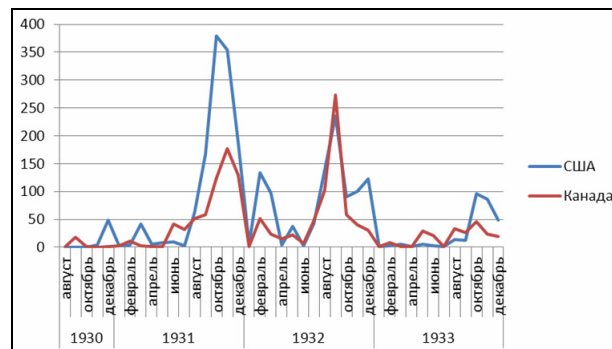
7.1

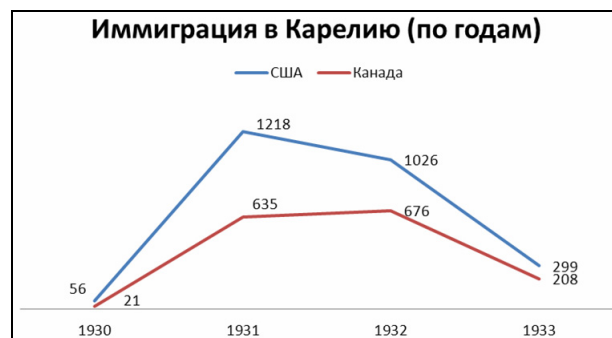
7.2

8.1

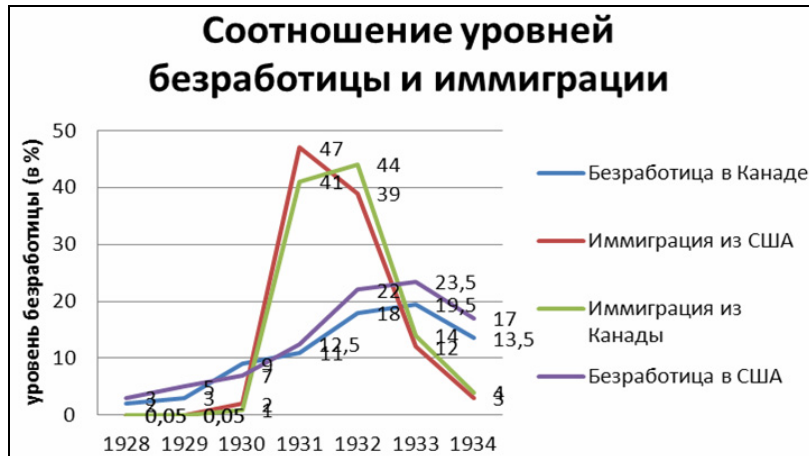
9.1

лении при СНК КАССР. Некоторые источники указывают на то, что североамериканские финны часто меняли места работы, так как они зачастую не соответствовали их профессии. Эта тенденция особенно усилилась во второй половине 1930-х гг. Русификация, сменившая финнизацию Карелии в 1935 г., последовавшая дискриминация финнов, репрессии 1937–1938 гг. и, наконец, депортация и эвакуация во время Великой Отечественной войны – все это способствовало непрерывному перемещению североамериканских финнов как в границы Карелии, так и в Советском Союзе в целом.

В профессиональном отношении среди североамериканских финнов наиболее часто встречались лесорубы (48 %), плотники (18 %), строители (8%), водители (5%) и пильщики (4%). Необходимо подчеркнуть, что эти данные относятся только к мужчинам. Женщины, как правило, регистрировались в соответствии с профессией и местом работы мужа. Их профессия и место работы указывались только в особых случаях. Официально зарегистрированную работу имели всего 38 женщин из США и 7 женщин из Канады.

В чем между канадскими и американскими иммигрантами не было различий, так это в распределении иммиграционного потока по времени. И те, и другие ехали в Карелию в одно время, соответствующие даты совпадали в точности до года, месяца, а иногда и дня. Это позво-

ляет окончательно опровергнуть тезис о том, что иммиграция в Карелию была политической «лихорадкой». На графике 10.1 видно, что массовое бегство из Канады и США совпадало с наивысшим ростом безработицы. В 1930 г., когда в Северной Америке ее уровень колебался от 7 до 12 %, только 77 финнов, или 2 % от выборки, предприняли трансатлантическое путешествие в «рай трудящихся». С другой стороны, когда к концу 1931 г. уровень безработицы поднялся до 18 % в Канаде и до 22 % в США, количество иммигрантов из обеих стран возросло до 1853 человек, что составило уже 45 % от выборки. В 1932 г., в худший год Великой депрессии, когда уровень безработицы в Северной Америке был предельно высок, массовое переселение продолжилось в соответствии с показателями 1931 г., хотя доля канадских рабочих незначительно увеличилась, а американских – уменьшилась. В целом в 1932 г. в Карелию прибыло 1702 североамериканских финна, или 41 % от выборки. В 1933 г. показатели безработицы стабилизировались и прекратили расти, и массовое бегство резко сократилось почти в четыре раза: лишь 507 североамериканских финнов (12 % от выборки) переселились в СССР.

Несмотря на влияние Великой депрессии, неожиданный подъем и спад «лихорадки» нельзя объяснить одними лишь экономическими факторами. Увеличение числа эмигрантов в 1931 и 1932 гг. и его последующее уменьшение отражали как изменения в иммиграционной политике руководства Карелии и Советского Союза, так и проблемы организационного характера, возникавшие у офисов «Карельской технической помощи» в Нью-Йорке и Торонто. Например, в феврале 1931 г. СНК СССР впервые одобрило запросы Гюллинга на прибытие двух тысяч лесорубов из Канады и США [Autio, 2002]. Три месяца спустя офисы КТП были открыты в Нью-Йорке и Торонто, чтобы

способствовать комплектованию рабочих бригад. В сентябре того же года была утверждена дополнительная квота на въезд 785 американских строителей, механиков и рабочих других квалификаций [Takala, 2007. Р. 40]. Весной 1932 г. руководство дало зеленый свет на переселение 250 рыболовов из Северной Америки [Takala, 2007. Р. 40]. Эдвард Гюллинг, председатель карельского СНК, и Густав Ровио, руководитель Карельской парторганизации, – по сути дела, истинные виновники «карельской лихорадки» – все еще не были удовлетворены количеством переселенцев и продолжали давить на Кремль, чтобы добиться большего количества разрешений на въезд в страну.

Офисы «Карельской технической помощи» в США и Канаде, возглавляемые Матти Тенхунен и Юсси Латва, соответственно, отвечали за вербовку переселенцев, обеспечение их визами и организацию переезда в Карелию. Они открылись в мае 1931 г., и к концу августа в Карелию уже прибыла первая волна североамериканских финнов. Если принять во внимание, что путь из Нью-Йорка в Карелию длился от пяти до шести недель, к тому же немало времени требовалось на получение необходимых документов от СНК КАССР, то станет очевидным, что открытие офисов «Карельской технической помощи» стало одной из причин массового переселения в Карелию.

В августе 1931 г., через восемь недель после открытия «Карельской технической помощи», в Карелию прибыло более ста человек. В следующем месяце приток переселенцев резко подскочил до 226 человек, что составило 12 % от общего числа прибывших в 1931 г. В октябре и ноябре началась «лихорадка». Более тысячи переселенцев прошло через отделения «Карельской технической помощи», что составило 56 % от итоговых показателей 1931 г. и 26 % от всех тех, кто приехал с 1930 по 1933 г.

В течение нескольких месяцев показатели иммиграции продолжали колебаться, при этом высокое количество иммигрантов сохранялось в течение весны 1932 г. и снизилось лишь летом и осенью 1932 г. График 8.1 позволяет увидеть точки роста и стабилизации «лихорадки». Она началась осенью 1931 г. и продолжалась до конца 1932 г. В течение этих шестнадцати месяцев в Советский Союз прибыло 3376 североамериканских финнов. Следующая значительная и последняя большая волна переселенцев прибыла лишь в конце 1933 г., однако размер ее был значительно меньше, чем во время пика иммиграции в конце 1931 и в течение 1932 г.

Если поместить пиковый период «карельской лихорадки» в политический и экономический контекст как в Северной Америке, так и в Советском Союзе, то станет очевидным, что массовая иммиграция была вызвана, в первую очередь, директивами Карельского СНК и открытием отделений «Карельской технической помощи» в Северной Америке, а также самыми тяжелыми годами депрессии (1931–1932 гг.). Это, в частности, позволяет ответить на вопрос: если уровень безработицы в США и Канаде оставался высоким в 1933 и 1934 гг., то почему же все-таки уменьшилось количество эмигрантов? Здесь важно отметить, что среди многих североамериканских финнов сохранялось сильное желание уехать в Карелию. И. Р. Такала, например, пишет, что еще в сентябре 1935 г. свыше трех тысяч человек (2232 канадца и 971 американец) были готовы покинуть США и Канаду – и это за исключением тех, у кого не было денег на проезд, который руководство Карелии не имело возможности оплатить [Takala, 2007. Р. 45]. Таким образом, уменьшение количества североамериканских финнов, переехавших в Карелию в 1933 и 1934 гг., больше связано со снижением активности отделений «Карельской технической помощи», а не каким-либо иным фактором. Высокий уровень безработицы все так же порождал среди финнов готовность отправиться в Карелию. Впрочем, были и другие факторы, снижавшие темпы иммиграции, например, негативная оценка условий жизни в Карелии в письмах, отправленных в Канаду и США. Однако решающим фактором в прекращении иммиграционного потока в Карелию были возражения со стороны ряда советских учреждений (особенно ОГПУ) против продолжения переселения американцев и канадцев в Карелию. К тому же в 1933 и 1934 гг. у иммигрантов было меньше денег, из которых можно было оплачивать переезд в Карелию и взносы в Машинный фонд –

ключевой элемент всей иммиграционной схемы в Карелию. Это также не могло не оказать негативного воздействия на работу отделений «Карельской технической помощи» в Нью-Йорке и Торонто.

Данные наблюдения и особенно предварительные статистические данные, которые я привожу в конце статьи, как я надеюсь, помогут другим исследователям в их работе по изучению социальной и культурной истории «карельской лихорадки». Краткий анализ статистических данных, приведенных в моей выборке, позволяет сделать следующие выводы. Самым важным является необходимость показать различия между американскими и канадскими финнами, которые отправились в Карелию. Разница между североамериканскими соседями видна на примере половозрастных показателей и профессиональном составе этих групп переселенцев. Несомненно, она включает в себя социальные и, самое главное, культурные различия. Как следствие, представляется не совсем корректным изучение обеих групп переселенцев как единое целое, так как оно оставляет без внимания различный социальный, политический и культурный опыт финских иммигрантов в США и в Канаде.

Анализ статистических данных также показывает, что основные течения, которые лежали в основе «карельской лихорадки», были экономического (Великая депрессия), политического (решения советского и карельского руководства) и технократического (работа офисов «Карельской технической помощи») характера. «Карельская лихорадка» вспыхнула и пошла на убыль в соответствии с этими тремя историческими факторами. Это не отрицает наличия других побудительных факторов. Несомненное влияние оказали образ Карелии в финской культуре, попытки Э. Гюллинга и Г. Ровио финнизировать Карелию, стремление иммигрантов использовать шанс переселиться в более безопасную, как им казалось, экономическую среду и, наконец, левые политические взгляды эмигрантов, которые нередко принимали радикальный характер. Только совмещение этих факторов позволит поместить «карельскую лихорадку» в подходящий исторический контекст. Возможно, ее сравнительное изучение с переселением североамериканских финнов обратно в Финляндию в тот же период покажет, что «карельская лихорадка», в общем-то, не была таким исключительным иммиграционным феноменом, как обычно предполагается исследователями.

*Перевод с английского языка
А. В. Голубева, Н. А. Изотовой*

Литература

Ефремкин Е. Карельский проект или карельская лихорадка? // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2008. № 3 (95). С. 42–51.

Autio S. Soviet Karelian Forests in the Planned Economy of the Soviet Union, 1928–1937 // Rise and Fall of Soviet Karelia / Edited by Antti Laine and Mikko Yalikangas. Helsinki: Kikimora Publications, 2002. P. 70–90.

Harpelle R., Lindstrom V., Pogorelskin A. (ed.). Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia During the Depression Era. Toronto: Aspasia Books, 2004.

Harris S. Nilo's Journey: Finnish American Migration to the Soviet Union in the 1930s. MA thesis

defended at University of Minnesota (Duluth), 2000. 148 p.

Lindstrom V. Defiant Sisters: A Social History of Finnish Immigrant Women in Canada. Toronto: Multicultural History Society of Ontario, 1992. 205 p.

Lindstrom V. Canadian Finns and Ten Years of the Great Depression // North American Finns in Soviet Karelia in the 1930s: Academic Essays and Sources. Petrozavodsk: PetrGU, 2007. P. 83–104.

Sevander M. Red Exodus: Finnish American Emigration to Russia. Duluth: Oscan, 1993.

Takala I. North American Finns in pre-war Karelia // North American Finns in Soviet Karelia in the 1930s: Academic Essays and Sources. Petrozavodsk: PetrGU, 2007. P. 190–212.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ефремкин Евгений

докторант Университета Йорк
М3J 1P3, Канада, Онтарио, Торонто, ул. Киль Стрит, 4700
эл. почта: efremkine@gmail.com
тел.: (1-416) 908-3899

Efremkin, Evgeny

PhD Candidate History, York University
4700 Keele Street, Toronto, Ontario, Canada, M3J 1P3
e-mail: efremkine@gmail.com
tel.: (1-416) 908-3899